

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЮЛИИ КЛИМОВОЙ

ШУРЫГИНЫ. СЧАСТЬЕ НЕ ЧУЖОЕ

Пожалуйста, обернись
Сто лет без тебя
Там сосны рисуют небо

АНАСТАСИЯ ЛАНЬЕ. ПУТЬ ДОМОЙ

Стрекоза летит на север
Гнездо для стрекозы

ГЛЕБ. КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ АМУРА

В её сердце акварель
Ветер подскажет имя

ДЖЕННИ. ВРЕМЯ НАДЕЖД И ЖЕЛАНИЙ

Удача не плачет
Я твоё ненастье

ВАРЯ. ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Сладкие ягоды не для тебя

Мадемуазель Судьба
Перекресток всех дорог
Не исчезай, останься
Разбуди моё сердце
Рецепт её счастья
Не спеши её терять
Лети, птица Феникс
Дом певчих птиц
Я пришла, откройте дверь

Юлия Климова

Сладкие ягоды
не для тебя

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Редактор серии *Полина Корицкая*
Иллюстрация на переплете *Анны Ремизовой*

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Сладкие ягоды не для тебя / Юлия Климова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221794-4

Еще вчера Варя была простой деревенской девчонкой, а сегодня живет в богатом доме. Нарядно одетая и... нелюбимая всеми. Благородная семья никак не может смириться с «босотой необразованной».

Ледяной взгляд наследника проникает в самое сердце. Губернантик-помощница преследует корыстные цели. А сам хозяин дворянского гнезда знает, что девочка обладает особым даром, но никому об этом не говорит. Даже Варя.

Первая книга цикла «Варя. Далекая и близкая».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221794-4

© Климова Ю., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

У той мольбы не будет брода — не переплыть,
не перейти,
Два взгляда, три прощальных слова —
и не свернуть на полпути.
И время не скроить иначе, и не взлететь,
и не обнять.
«Ты плачешь?»
«Нет, не плачу... Учусь не вспоминать».

Ни при каких обстоятельствах он не стал бы доверять знахаркам больше, чем докторам. В этом Григорий Павлович Щербинин был уверен еще совсем недавно. Его годовой доход позволял приглашать домой профессоров, нанимать добросовестных и умелых сиделок, доставлять из ближних и дальних стран лекарства, включая редкие противомикробные препараты. Ворожеи, знахарки, колдуньи... Нет. Нет. И еще раз нет.

Но последние дни сиделка лишь горестно вздыхала, а один из лучших московских докторов отводил взгляд в сторону и торопливо произносил: «Держитесь, Григорий Павлович, держитесь... Сделано все необходимое, надо ждать». И итоговое заключение всегда звучало одинаково: или организм Андрея справится с полученной травмой, или... Вот это последнее «или» и полыхало огнем в груди. Щербинин то метался по дому, то молился, то отправлял экономку в церковь, надеясь, что ее уверенный голос долетит до Господа, то сидел на кровати рядом с бледным и неподвижным Андреем, то

уходил в кабинет, закрывал плотно дверь и судорожно плакал, сотрясаясь всем телом.

Единственный и горячо любимый сын.

Поздний ребенок.

Как же долго он мечтал о нем, как долго... Какой прошел путь, чтобы однажды прижать к груди маленькое пищащее сокровище...

А теперь Андрею восемнадцать, и смерть дышит ему в лицо.

Первый брак Григория Павловича был спонтанный, наполненный смущением, пылкостью и смелостью одновременно. В начале марта, приехав на торжественный прием к графине Звягинцевой, он сразу обратил внимание на юную Марию Остужеву, представительницу достойного дворянского рода и дальнюю родственницу графа Курбатова. Она была тонка, загадочно молчалива и имела бледную кожу, не скрывающую голубоватый рисунок вен на запястьях и тыльной стороне ладоней. Благодаря этой прозрачности и общей хрупкости Мария казалась молодому и решительному Григорию Павловичу неземной, особенной и необыкновенно красивой. Уже через неделю он сообщил родителям о своих чувствах и получил благословение на ухаживание. Неопытность и волнение заставили Щербинина совершить несколько глупых поступков, он даже пытался вызвать ревность Марии. Но потом нужные отношения устроились сами собой, и брак состоялся.

Испытывая счастье от случившегося, Григорий Павлович не сразу понял, что его жена холодна и болезненна, а единственной положительной чертой ее характера является покладистость. Она ни-

когда не перечила, а лишь улыбалась. Но пойдя разбери, что означала эта продолжительная, будто нарисованная старательным художником улыбка — одобрение или скрытую насмешку? Казалось или высокомерие и снисходительность вспыхивали в серо-голубых глазах Марии?

Для собственного успокоения Григорий Павлович принял решение считать, что жена его любит и искренне готова слушаться во всем. Тем более что явных признаков неуважения она не выказывала.

Мария постоянно болела, особенно осенью и зимой, поэтому практически не покидала дом и в основном вышивала, устроившись с пяльцами около окна в гостиной. К ней довольно часто приезжали две верные подруги, и в такие моменты Щербинин вздыхал с облегчением, словно с его плеч снимали тяжелейший груз. Брак, обещавший восторг и гармонию, через три года превратился в тоску, мучение и разочарование.

Григорий Павлович обзавелся любовницей и практически перестал выполнять супружеские обязанности. Не было ни желания, ни смысла — Мария вряд ли смогла бы справиться с рождением ребенка. Да и она сама никогда не заговаривала о материнстве, вероятно считая, что такой долг на ее судьбе не значит.

Теперь Щербинин получал удовольствие от жизни и наверстывал упущенное. Стараясь соблюдать приличия, не демонстрируя в высших кругах общества отношения со сменяющимися легкомысленными красотками, он проводил немало времени в театрах и ресторанах, путешествовал и не пропускал особо шумные балы. И Григорий Павлович

ничуть не расстроился, когда самым обыкновенным морозным декабрьским утром Мария не проснулась. Вердикт доктора был ожидаем: «Сердце... всему виной слабое сердце... Да вы и без меня наверняка это знаете».

Несколько лет Щербинин и не помышлял о втором браке, но к тридцати четырем годам его все чаще и чаще стали посещать тревоги. Неужели его существование бесполезно? Родителей он похоронил, с последней любовницей распрощался и не горел желанием обзаводиться новой, балы наскучили и томили однообразием. В душе Григория Павловича образовалась звенящая пустота, вызывающая приступы то мрачного уныния, то длительного раздражения. Теперь он с трудом выбирался в гости и все чаще засиживался в кабинете, стараясь вникнуть в цифры отчетов. Если бы не имение, за которым необходимо было следить, Щербинин наверняка бы увлекся водкой и перечеркнул свою жизнь раз и навсегда.

— Подыщите себе супругу, Григорий Павлович, — в ложе театра посоветовала графиня Скобыльцева, многозначительно приподнимая указательный палец, и прищурилась, отчего вокруг ее серых глаз мгновенно собрались морщины. — Я давно на этом свете живу и могу с уверенностью сказать, что мужчина, при правильном устройстве души, всегда будет доволен, если у него есть добропорядочная супруга и дети. А уж в том положении, в котором вы находитесь, Григорий Павлович, выбирать точно вам — желающих подарить счастье столь уважаемому и обеспеченному человеку будет предостаточно, — она кивнула, подчеркивая

сказанное. — Не торопитесь, но и не затягивайте. Женитесь, мой хороший. Женитесь!

Слова про супругу и счастье Щербинин пропустил мимо ушей, однако мысль о детях задрезала так, что он схватился за спинку широкого красного бархатного стула и крепко сжал ее. Никогда раньше Григорию Павловичу детей не хотелось, он знал, что когда-нибудь они непременно появятся на свет, почему бы и нет? К будущим наследникам он относился как к дождю или снегу: придет время и случится, и никто не угадает, когда это произойдет.

Но теперь душа перевернулась. Щербинин вдруг остро почувствовал, что ему отчаянно не хватает сына. Именно сына! А лучше двух.

«Он должен быть похож на меня... Умный, рослый, видный, с безупречными манерами и превосходным образованием...»

Пробормотав слова благодарности графине Скобыльцевой за совет, Григорий Павлович опустился на стул и пожалел, что он не дама, — сейчас веер бы очень пригодился. На лбу выступили мелкие капельки пота, во рту пересохло, и совершенно не хватало воздуха.

«Да, да, да...»

Щербинин осознал, в чем смысл его жизни. И этот смысл был таким многообещающим, волнительным, ответственным, важным и естественным, что непонятно, отчего раньше он оставался скрытым. К концу спектакля Щербинин принял твердое решение назвать первенца Андреем. Это имя хорошо звучало, в нем присутствовали уверенность, сила, мужество и духовность.

«Андрей...» — мысленно произнес Григорий Павлович, представляя сына-красавца.

Уже со следующего дня он начал поиски жены. Новость разлетелась быстро, и Щербинина стали чаще звать на всевозможные приемы — желающих выдать за него дочь было много, в этом графиня Скобыльцева не ошиблась.

На этот раз Григорий Павлович не собирался доверяться чувствам. Да, собственно, он и не искал любви и пылкости. Главными требованиями к невесте были: приятная внешность, крепкое здоровье, возраст от девятнадцати до двадцати трех лет, соответствующее происхождение, незапятнанная репутация, умение играть на фортепиано, знание хотя бы французского и способность приятно поддержать беседу. Невеста не должна быть глупа. И как раз музыкальные способности и склонность к иностранным языкам, по мнению Щербинина, включали это.

Через месяц, после разговора с одним из медицинских профессоров, Григорий Павлович добавил в список еще одно требование — широкие бедра. И данная физическая особенность оказалась довольно трудной для обнаружения: нижние юбки, а к ним еще и объемные юбки платьев часто мешали. К тому же, насколько понял Щербинин, некоторая полнота могла обманчиво обещать одно, а на деле потом окажется совсем другое...

Выбор состоялся в июне, и к алтарю Григорий Павлович пошел с Ольгой Молчановой, двадцатидвухлетней красавицей, обладательницей густых длинных волос, прямого носа и несколько утяжеленного подбородка, который ничуть ее не портил.

Ольга производила хорошее впечатление, была воспитанна, не суетлива и засиделась в девках лишь оттого, что больше года ухаживала за тяжелобольной матерью и еще год соблюдала траур. К Григорию Павловичу она испытывала благодарность, уважение и знала, чего именно от нее ждет муж.

Шли годы, а беременность не наступала. И это было настолько неожиданно и болезненно, что Щербинин потерял покой и сон, а его гордость — каштановые бакенбарды — начали седеть. Неужели он ошибся с женой? И что делать, если так?

Однако ничего поделывать он не мог и лишь изредка давал понять Ольге, что она его крайне разочаровывает и терпеть это невозможно. Он бы высказывался более резко, но доктора твердили: «Не волнуйтесь, такое случается, у вас обязательно будут дети. Следите, чтобы ваша жена находилась в спокойствии, много гуляла и хорошо питалась».

«Она будет находиться в спокойствии... А я? А я должен метаться по дому и лишаться рассудка?!»

Но Щербинин терпел ради мечты и даже преподносил жене небольшие подарки в надежде, что радость оживит скрытые глазу возможности женского организма.

Ольга постоянно нервничала, не справляясь с удушающим чувством вины. И лишь когда они перебрались в имение, чтобы как можно больше находиться на свежем воздухе, она стала лучше спать, увлеклась вязанием, набрала вес и преодолела частое желание плакать.

И незадолго до тридцативосьмилетия Григория Павловича Ольга сообщила, что находится в ожи-

дании ребенка. Еще никогда Щербинин не благодарил Господа столь продолжительно и вдохновенно.

Не дожив до утра, Ольга умерла сразу после родов. Весь день Григорий Павлович провел возле сына, счастливо улыбаясь и внимательно следя за каждым его движением или сном.

«Волосы темненькие... как у меня... Наша масть — Щербининская!» — с удовольствием отмечал он.

С первых минут рождения к Андрею была представлена няня — Агафья Дмитриевна, на вид женщина неопределенного возраста, крепкого телосложения, спокойная и сдержанная. И так как Щербинину спокойствия не хватало, он был рад, что остановил выбор именно на Агафье. Не зря ее рекомендовала графиня Скобыльцева. Все действия няни были четкими и уверенными, и сомневаться в ее опытности не приходилось. Даже болтливая и щедрая на сюсюканья кормилица притихла и вспомнила о том, что ее дело давать ребенку грудь, а не восхищаться его ангельской внешностью.

Сравнение с ангелом Григорию Павловичу и не нравилось. Оно было явно ложным и совсем не подходило сыну. В Андрее угадывался характер, и это вызывало отцовскую гордость.

Похоронив Ольгу, коротко произнеся на могиле: «Спасибо за сына», Щербинин по дороге от кладбища до усадьбы размышлял о дальнейшей жизни.

Если жениться, то ради еще одного сына.

Но если опять придется долго ждать...

И будет ли его следующая жена ласкова с Андреем? Все они сначала внимательные и улыбочивые, а позже оказывается, что и недостатки имеются.

И самое главное — честно ли строить такие планы... Честно ли по отношению к Андрею? Это же придется делить отцовскую любовь и время на двоих...

«Да, у других и по пять детей по дому бегают, но не всегда из них достойные люди вырастают... Тут есть некоторые опасения. Возможно ли уследить за двумя и тремя так, чтобы потом гордиться ими всю оставшуюся жизнь? А если родится девочка?..»

— А уж она мне точно ни на что не надобна!

Вернувшись домой, устремив взгляд на довольного Андрея, Щербинин мягко улыбнулся, и беспокойство растворилось без следа.

Вот он. Самый лучший сын на свете! И других не требуется.

— Вы просили принести письмо от Елизаветы Михайловны сразу, как оно прибудет, — донесся голос секретаря, и Григорий Павлович резко обернулся, мгновенно вернувшись из прошлого в настоящее. — Так только доставили...

— Подай сюда, — Щербинин требовательно протянул руку, и сердце застучало быстрее.

Его престарелая, сутулая, невероятно худая и хромая на правую ногу тетка Елизавета Михайловна имела приличное хозяйство в Коломенском уезде, но еще лет пятнадцать назад приняла решение довольствоваться малым, передала землю во временное пользование деревенским, окружила себя вечно молящимися старухами, взялась образовывать местных босоногих детей, носила лишь простую одежду и, по мнению Григория Павловича, несколько тронулась умом — женщина знатного круга так жить категорически не должна.